

3.Я. РАХМАТУЛЛИНА

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ БАШКИР

У башкир, как у всякого исторического народа, есть национальная история и культура, религиозное и языковое единство, свой неповторимый национальный дух, проявляющийся в наиболее типичных для них моделях поведения и «социальных инстинктах», в оригинальном складе ума и образе мыслей, миропонимании и мироотношении. Как известно, мировоззрение во многом обуславливает организацию духовной и материальной жизнедеятельности народа, определяет своеобразие и неповторимость национального бытия.

Понять мировоззрение этноса — задача сложная. Оно подобно мозаике. В реальной жизни (на этнографическом уровне) мы видим разрозненные эмпирические фрагменты, а на расстоянии, под определенным углом философского умозрения, они складываются в целостную картину, благодаря чему обнаруживаются предельные, императивные основы жизни народа.

Метафизика мировоззрения народа касается прежде всего поиска конечных смыслов, своего рода Абсолютов. Эти смыслы либо прямо, либо косвенно определяют статику и динамику национального и социального поведения представителей этноса. Особенности мировоззрения (императивные основания, базисные паттерны) — «ключ к уразумению» поведения башкирского народа в ту или иную историческую эпоху, в период реформ общественной жизни. Это более или менее точные и постоянные параметры (максимы) самобытной исторической сути жизнедеятельности этноса. Ведь народ всегда воплощает свои социальные цели и идеалы конкретно-исторически, но с

опорой на глубинные смыслы своего мироощущения.

О далеком прошлом башкир сохранились очень скудные сведения средневековых восточных авторов: Ибн-Фадлана (922 г.), Идриси (XII в.), Якута (XII в.), Ибн-Саида (XIII в.), Казвини (XIII в.), Демешки (XIV в.) и др. В X в. башкиры были кочевниками-скотоводами. Немногие европейские путешественники, посетившие их в средние века, говорили о башкирах как о народе храбром, воинственном, живом и гостеприимном [Круковский 1909, 35]. Позднее основой их традиционного хозяйства стало полукочевое скотоводство. Разведение лошадей и овец, реже — верблюдов, коров и коз сочеталось с охотой, рыболовством, сбором плодов и ягод, бортничеством.

После присоединения к Российскому государству неизведанная и далекая Башкирия с необычной этнографией и загадочной культурой стала объектом внимания зарубежных и отечественных исследователей, ученых и путешественников, собравших обширный материал, в котором содержатся сведения о природе края, хозяйстве, быте, культуре башкир, наблюдения над специфической «племенной характером» и мировоззрения коренного населения [Паллас 1773; Рычков 1770; Георги 1799; Лепехин 1807; Фальк 1824 и др.].

Важнейшим источником для философского осмысления башкирского мировоззрения является, безусловно, богатейшее фольклорное наследие народа: мифология, эпос и сказки, легенды и предания, пословицы и поговорки, поэтическое и песенное творчество, — в котором на уровне архетипов отразились традиционные мировоззренческие установки народа.

Образ жизни кочевника-скотовода, родившегося в свободной стихии степных просторов и выросшего в краю первозданной природной красоты, наложил неизгладимую печать на его физический облик и духовные ориентиры. В столкновениях с природой, в схватках с внешними врагами, в борь-

бе с собственными пороками и недостатками, в труде и круговороте быденной жизни ковался дух народа. Суровый уральский климат закалил башкирский характер, придал ему выдержку, упорство, выносливость. «Степная философия» привила любовь к свободе, кочевнический быт приучил к неприхотливости и простоте. «Степные законы», жестоко карающие воровство и прелюбодеяние, сделали честность и порядочность высоко ценимыми в народе добродетелями. Культ предков обусловил гуманизм душевных ориентаций. Удаль воина-всадника, «легкого как барс, скромного в быту, жадного в войнах» [Плетнева 1982, 151], и мечтательность поэта, очарованного красотой природы, подвижность кочевника, не представляющего своей жизни без преодоления обширных пространств, и романтическая созерцательность пастуха-скотовода, погруженного в мирную идиллию своего уединения, причудливо переплелись в душе башкира, обусловили ее особый, неповторимый строй.

В чем же особенности башкирского способа миропонимания? Выявляя его специфику, мы руководствуемся положением С.Л. Франка, утверждавшего, что «национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, <...> не является национальным учением или национальной системой — таковых вообще не существует; речь идет <...> о национальной самобытности мышления самого по себе, о своеобразных духовных тенденциях и ведущих направлениях, в конечном счете о сути самого национального духа» [Франк 1992, 472]. В миропонимании башкир доминируют не европейский рационализм, аналитическая работа мысли, понятийное, системное постижение мира, отвлеченное волеизъявление, а «сердечное умозрение», эмоционально-чувственное созерцание. Для башкирского типа мышления (и в этом он схож с русским) характерно и то, что оно изначально основывается на интуиции, на духовном видении, способности постижения истины путем

внутреннего проникновения в суть вещей и явлений. Древнее познание вообще основывалось не столько на логическом и аналитическом размышлении, сколько на всеохватывающем интуитивном осмыслении бытия. В мышлении человека всегда присутствуют здоровый реализм, здравый смысл, универсальное ощущение жизни, умение прогнозировать будущее и предвидеть возможные перипетии собственной судьбы. Для башкира интуиция — это способ ориентации в «мире длительности», т.е. в сложных и текучих событиях жизни. Говоря словами С.Л. Франка, «систематическое и понятийное в познании представляется ему хотя и не как нечто второстепенное, но всё же как нечто схематическое, неравнозначное полной и жизненной истине» [Франк 1992, 474]. Потому и философское осмысление бытия осуществлялось башкирами не в сфере отвлеченной мысли, а в мифологических и поэтических, литературных формах — преданиях и легендах, эпических сказаниях и кубаирах, исполняемых народными философами и поэтами-импровизаторами сээзнами; литературном творчестве башкирских просветителей М. Акмуллы и М. Уметбаева, произведениях М. Карима и др. Таким образом, основы национально-самобытного башкирского мировоззрения нашли непосредственное воплощение в произведениях, представляющих собой философско-художественную форму постижения жизни.

* * *

Мировоззрение башкир во многом сформировалось на природной основе, на том естественном фундаменте, который, пронизывая незримыми нитями человеческое бытие, обладает духосозидающей творческой силой. Кочевничество — особая форма взаимодействия этноса с окружающим его миром, способ со-бытия человека с природой и адаптации к ней. Существование в самом центре природы, частью которой осознавали себя башкиры, обусловило формирование своеобразного спо-

соба их мироотношения и миропознания, определило характерные особенности этнического мышления.

Исламская антропология отрицает христианский догмат богоподобия человека, на основе которого сформировалось русское мировоззрение. Башкир осознавал себя образом и подобием Космоса-Природы. Очарованный природой, порожденной ею, он изначально исходит из того, что Красота важнее Пользы. В древней башкирской легенде «Ушкуль» народ выразил свое мироотношение: *«Смотри: перед тобою, прямо — необозримые волнующиеся ковьялем степи; словно бархатные ковры, стелются без конца зеленые луга... точно расплавленное серебро и золото, сверкают воды рек... Там лежат каменные великаны, тянутся и наступают друг на друга горные хребты... И всю эту благодатную страной владеют свободные башкиры. Они знают, что в горах и речных долинах лежат сокровища: много золота, серебра и драгоценных камней в земле сокрыто... из озер никогда не выловишь рыбы; выпусти башкир из колчана все до одной стрелы — звери и птицы не переведутся в лесах, а борти всегда будут полны душистым липовым медом. Мать-земля дает людям всё, что им надо. Зачем же башкурт станет железом терзать ее грудь, кайлами и оленьим рогом пробивать горы?»* [Нефедов 1990, 130]. Красота нравственна, она антипод зла и безобразного. Красота важнее даже рациональной Истины. Для башкирского народа природа ценна сама по себе как прекрасное творение Божие, а не как источник производства вещей-товаров.

Отмеченная особенность, на наш взгляд, является императивной основой духовности башкир. Эмоции у них всегда преобладают над разумом, совесть — над рассудком со всей его практической трезвостью и расчетом на выгоду, свобода — над властью и принуждением. Если западный человек обладает преимущественно вербально-логическим способом миропознания, то «для башкир больше всего был характерен философско-созерцательный тип мышления» [Исянгулов 1999, 180]. Сво-

бодное созерцание сердцем, наглядно-образное, наглядно-действенное мировосприятие явилось основой башкирского житнетворчества: «Не раз можно слышать рассказы о том, как башкир останавливается и подолгу смотрит вдаль; когда его спрашивают, к чему он присматривается, он указывает на красивую гору или красивый вид... затем опять предаётся созерцанию, выражая восклицаниями свое восхищение» [Рыбаков 1899, 38].

Тесное общение с природой сформировало особую **экологическую ментальность**, которая стала одной из базисных характеристик башкирского мировоззрения. Экологическая культура любого народа — одна из составных частей его традиционной культуры, в рамках которой оформлялся особый тип связей и отношений между обществом и природой. Он строился на нравственных и эстетических принципах, признающих ценность и значимость природы как источника материального и духовного бытия человека. Основы мироосмысления, исходящего из понимания нерасторжимого единства мира природы и мира человека, заложены уже в древнейшем духовном памятнике башкир — эпическом сказании об Урал-батыре (ср.: Урал-батыр окропляет живой водой из Родника Бессмертия окружающую природу [Эпос 1987, 125]).

Практический уклад башкира-скотовода составляла система жизнеобеспечения, которую в отношении к природе можно назвать преимущественно **адаптивной**, связанной с привычкой устраивать свой быт и образ жизни в зависимости от особенностей окружающей среды. Люди вынуждены были постоянно соизмерять свое воздействие на природу с ее репродуктивными возможностями, не выходя за грань экологически допустимого (в противном случае это грозило нарушением баланса природных сил, частью которых осознавали себя башкиры-номады вместе со своими бесчисленными стадами). Башкиры не охотились на промысловых зверей и птиц, строго регу-

лировали добычу, исходя из разумных потребностей, объективно необходимых и достаточных для поддержания нормальной жизни, не трогали животных в период размножения и вскармливания потомства, во время нереста избегали шумных работ вблизи водоемов. Строго следили за восстановлением травяного покрова на пастбищах, не рубили и не ломали без особой нужды деревья и кустарники во время сбора плодов и т.д. Только это и могло сохранить ось их коллективного (общинного) бытия в самом центре природы.

«Трава и вода» — извечная формула, определяющая условия бытия любого кочевого общества. Вода для башкир — источник жизни и благополучия, здоровья и силы. С малых лет детей приучали к бережному, заботливому и осторожному обращению с водой, строго следили за тем, чтобы водные источники не осквернялись и не загрязнялись. Аксакалы запрещали пасти скот, купаться, стирать и полоскать белье у истоков воды, выполнять близко от водоемов работу, которая может их засорить. Родники и колодцы были под особым присмотром, их огораживали и содержали в чистоте. Навоз и хлам вывозили далеко от водных источников, следили за чистотой водозаборов и мест купания, берегли реки от обмеления: существовал запрет вырубать деревья и кустарники по берегам водоемов, не трогали песок и глину с берегов и т.д.

В обязанности общины входило охранять от загрязнения природу и землю. В каждом ауле или на местах кочевий отводили специальные места для мусора. Периодически устраивали коллективные мероприятия по очистке поселений: всё, что могло портить внешний вид округи, закапывали глубоко в землю; что можно было сжечь, с осторожностью сжигали. В этих необходимых и вполне обыденных процедурах воплотились экологические установки и стереотипы повседневной жизни башкир, свято охраняемые системой языческих ритуалов, связанных с культом природы, а впоследствии и исламом,

наложившим запрет на причинение природе бессмысленного вреда.

Центральным звеном в традиционной кочевнической экосистеме башкир выступала лошадь. В тяжелых условиях кочевого быта она была незаменимой в силу исключительной мобильности и выносливости, благодаря которым башкиры свободно кочевали на обширных пространствах и совершали продолжительные и утомительные перемещения, успешно защищаясь от врагов и совершая набеги на соседние племена. Не последнее место в пищевом рационе башкир занимали конина и кумыс, бодрящий напиток из кобыльего молока. Лошадь была символом богатства, критерием благосостояния и основой благополучного, обеспеченного бытия. Устное поэтическое творчество воспело коня как преданного друга, боевого товарища, бесшумного помощника в быту. Башкир берег своего коня, ухаживал за ним, случаи издевательства и антигуманного отношения к животному были крайне редки. О высоком уровне экологического мышления башкир свидетельствует эпическое сказание «Акхак-кола» («Хромая кобыла»), в котором осуждается безжалостное и неблагодарное отношение к животному.

*Яз за мине менәләр,
Көз за мине менәләр,
Акхак-кола-мин меҗкен;
Как казыкка бәйләйзәр,
Кабырғамды һанайзәр,
Акхак-кола-мин меҗкен.
Яз за билем бөгөлгән,
Көз за билем бөгөлгән.
Акхак-кола-мин меҗкен;
Как казыктың кото юк,
Кабырғамдың ите юк
[Эпос 1972, 224]*

*И весной ты едешь на мне,
Осенью ты тоже едешь на мне,
К колу привязываешь меня,
Плетью хлещешь вовсю, браня.
И весной спину я гну,
Черный пот свой на землю лью;
От кола голого проку нет,
На ребрах моих мяса нет
[Эпос 1987, 192], —*

говорит человеку уставшее и незащищенное существо. Клятва хозяина сбежавшей Акхак-колы, обещание впредь не издеваться над животными, скрепленное поеданием земли, есть не что иное, как установление «экологического императива» — запрета на неправильное, жестокое обращение с животными, всецело находящимися во власти человека. Смерть хозяина, нарушившего свою клятву и убившего Акхак-колу, является предостережением для потомков.

Современное отчуждение башкир от природы вызвало кризис в гуманистическом мировоззрении народа, а ослабление экологизма вылилось в серьезное экологическое неблагополучие башкирского края. Однако выход из этого состояния, на наш взгляд, возможен. Он заключен в выработке новой экологической этики, в синтезе духовного человека с природным человеком.

* * *

Характерную особенность башкирского мировоззрения составляет приверженность к духовному *коллективизму*. Для человека природы естественно стремление к единению, приоритет родового над личным, поскольку жить в природе можно только сообща. Идеал личной свободы и защита частного интереса не находят места в системе его мировоззренческих ориентаций. Сильно развитое в башкирском характере чувство взаимопомощи и взаимоподдержки является закономерным следствием общинной жизни, уходящей корнями в суровый кочевнический быт. «У одинокого и лук может потеряться, а в обществе не потеряется даже стрела», — гласит пословица [Пословицы и др. 1993].

Только единство и солидарность дали башкирам способность противостоять сложнейшим катаклизмам их исторической судьбы. В дальнейшем приверженность общинному образу жизни осознавалась башкирами-мусульманами в рамках исламского понятия «*такафуль*» — богоугодное сотрудничество в процессе труда, в общем деле, — сыгравшего значительную

роль в религиозной рефлексии о необходимости совместного, коллективного труда. Принципы ислама, провозглашавшие равенство, справедливость и сплоченность всех правоверных в «общем деле», освящали социально-психологическую основу хозяйственного и бытового кооперирования.

Традиционной формой коллективного взаимодействия в башкирском обществе были *помочи* — участие в совместном труде по очистке и обустройству аулов, водных источников, кладбищ, огораживанию поселений, выгонов и пастбищных угодий, ремонту мостов и дорог. Решение по их проведению принималось на сельском собрании или совете старейшин. При необходимости община собиралась и для того, чтобы помочь отдельным своим членам в срочном завершении сложных и трудоемких работ. Помочи включали в себя обязательное приглашение помощников хозяином, сбор участников, трудовую деятельность, сопровождающуюся песнями, шутками, играми, совместную трапезу. Состоятельные башкиры часто использовали помочи, привлекая людей обильным угощением.

Помочи нередко превращались в яркие театрализованные представления, завершавшиеся массовым гуляньем, джигитовкой, спортивными состязаниями. Они представляли собой законченный и цельный обычай, включавший в себя хозяйственно-трудовые, бытовые, фольклорные, ритуальные элементы. В этом комплексе отражены коллективистские установки традиционного мировоззрения башкир (прежде всего значимость самой общины и совместного труда как основы благополучного бытия); моральные ценности, существовавшие в башкирском обществе (нормы милосердия — безвозмездной помощи нуждающимся и пр. — и нормы равенства, проявляющиеся в праве каждого на участие в подобных мероприятиях и на ответную поддержку). Бесплатная помощь в строительстве жилища, заготовке сена, забое скота, перевозке леса и т.д., коллективная взаимопомощь женщин и девушек при

ощипывании домашней птицы, стрижке овец, обмазывании и уборке жилища, изготовлении сукна и т.д., сопровождающаяся угощением и играми, продолжают жить в быту и сегодня.

Башкирское чувство братства не следует приравнивать к «стадному инстинкту». Башкир высоко ценит значимость каждого отдельного человека. Истинная, внутренняя суть самобытного башкирского духовного коллективизма, хотя и противостоящего индивидуализму, не враждебна понятию личной свободы. Более того, принцип общности, братства, на котором произрастает башкирский дух, предполагает общий, единый порядок и совместное пользование всеми благами для обеспечения достойной, надежной жизни каждого. На наш взгляд, к башкирскому мировоззрению приложимы слова С.Л. Франка, утверждавшего, что в противоположность западному, исходящему из «Я», «русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию “Мы” или “Мы-философию”. Для нее последнее обоснование жизни духа и его сущности образуется “Мы”, а не “Я”. “Мы” мыслится не как внешнее единство большинства “Я”, только потом приходящее к синтезу, а как первичное, далее неразложимое единство, из лона которого только и вырастает “Я” и посредством которого это “Я” становится возможно» [Франк 1990, 90—91].

* * *

Традиционное мировоззрение — феномен культурно-исторический. Этапы исторического развития оставляют неизгладимый след в духовной памяти этноса. В той или иной мере отрефлексированные, они в дальнейшем способствуют продуцированию и закреплению одних и размыванию или даже стиранию других национальных качеств и свойств (причем даже тех из них, которые на протяжении многих поколений были традиционными и устойчивыми). Тем не менее глубинные, жизнеопределяющие признаки, наиболее типичные качества, базисные паттерны

традиционного мировоззрения, изначально укорененные в сознании народа, остаются неизменными в историческом национальном бытии и сохраняют свое значение в современной жизни.

Литература

Георги 1799 — *Георги И.Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопримечательностей. Ч. 1—2. СПб., 1799.

Исянгулов 1999 — *Исянгулов Ш.* Еще раз о менталитете башкирского народа // Ватандаш. 1999. № 11. С. 180—182.

Круковский 1909 — *Круковский М.А.* Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909.

Лепехин 1807 — *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1807.

Нефедов 1990 — *Нефедов Ф.Д.* Ушкуль // Башкирия в русской литературе. В 6 т. Т. 2. Уфа, 1990. С. 128—181.

Паллас 1773 — *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773.

Плетнева 1982 — *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Пословицы и др. 1993 — Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа, 1993.

Рыбаков 1899 — *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1899.

Рычков 1770 — *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

Фальк 1824 — *Фальк И.П.* Провинция Уфимская // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824.

Франк 1990 — *Франк С.Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С. 83—91.

Франк 1992 — *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992.

Эпос 1972 — Башкирское народное творчество. Кн. 1: Эпос. Уфа, 1972. (На башк. яз.).

Эпос 1987 — Башкирское народное творчество. Т. 1: Эпос. Уфа, 1987.